

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Как меня женили. Часть 2: Влюбленный демон

Мы сидели на застекленной террасе небольшого кафе на набережной. Зимнее солнце ласково пригревало мою правую щеку, бросая причудливые блики на стоявшие на столике чашечки и блюда, отражаясь от ложечек и салфетниц. Близнецы сидели справа от меня спиной к стеклу и как обычно дрались на вилках. Отец устроился слева с моей Колодой. Он выпросил ее у меня еще утром, а теперь нервно перебирал Карты и хмурился, кусая губы.

Наш первый полноценный выходной за последние три месяца.

Официантка — маленькая курносая брюнетка с огромными карими глазами — принесла нам очередную порцию кофе и обворожительно улыбнулась, адресуя свою улыбку лично мне. Я улыбнулся ей в ответ. Когда мы только пришли в это кафе два часа назад, она выглядела утрюмой и невыспавшейся. Ее форменная рубашка была наглухо застегнута на все пуговицы, а юбка была всего на два пальца выше колен. Когда она принесла нам первую порцию кофе, верхняя пуговка ее рубашки уже была легкомысленно расстегнута, а юбка стала короче минимум на сантиметр. Вторую порцию она принесла уже с двумя расстегнутыми пуговицами и юбкой вдруг укоротившейся на целую ладонь. Теперь вот ее рубашка была расстегнута чуть ли не до пупка, юбка с трудом прикрывала округлую попку, а раньше строго заколотые на макушке волосы рассыпались по почти голым плечам.

Близнецы переглянулись и синхронно подмигнули мне. Отец сурово взглянул на них и сложил Карты.

— Нашел там что-то новенькое? — ухмыльнулся я, пряча Колоду в карман.

Он мотнул головой:

— Просто хотел проверить одну мысль.

— А твоя Колода для этого не подходит?

Он снова мотнул головой и сделал большой глоток кофе:

— У тебя Карт больше...

— У нас с братьями Колоды одинаковые, — я передернул плечами.

— Одинаковые, да не совсем, — ответил он.

— Выкладывай, — улыбнулся я, — что ты такого интересного нашел.

— Не твоего ума дело, — резко проговорил он.

— Пап, что-то опять случилось? — я посмотрел на него с тревогой.

Когда отец начинает так разговаривать, это означает, что нас ждет задание. Они с дедом никогда не предупреждают нас заранее и никогда не дают всей информации, но я научился предугадывать саму возможность нового дела по вот таким вот косвенным признакам, как его раздражение или озабоченность деда.

Я вздохнул, так и не дождавшись ответа, и тоже поднес к губам свою чашечку, как вдруг...

— Фарит?

Я поднял испуганный взгляд на отца и инстинктивно вжал голову в плечи. Близнецы снова переглянулись и уставились на меня в недоумении.

Отец медленно повернул голову в направлении голоса. Выражение его лица в один миг из просто утрюмого превратилось в гневное.

— Как это понимать? — процедил он сквозь зубы.

— Пап, я... — начал было я и умолк.

Что я мог сказать? Что я нарушил приказ? Что я не выполнил возложенную на меня задачу? Что из каких-то даже мне не совсем понятных побуждений я просто не стал стирать ей память? Всем стер, а ей нет. Поймет ли он? Сомневаюсь. Он же идеальный, непогрешимый. Он всегда выполняет все в точности и требует того же от нас.

На моих глазах выступили слезы, и я отвел взгляд.

— Значит так, — проговорил он. Его голос оставался спокойным, но я чувствовал, как внутри у него все клокотало. Ему стоило немалых усилий не сорваться на крик, — у тебя есть десять минут. Если через десять минут она будет помнить о том, что произошло в школе, я буду вынужден ее убрать. Запомни, нам не нужны лишние свидетели.

— Пап, но... она же ничего не видела, — взмолился я. — Она даже не помнит, как она там оказалась! Они ж ее транквилизаторами накачали, а потом я и вовсе вырубил ее...

— Десять минут, — повторил отец и поднялся из-за столика. Братья как по команде последовали его примеру.

Я опустил голову.

Она села слева от меня на место отца:

— Привет, — она улыбалась, а в ее зеленоватых глазах отражалось солнце.

Я бросил на нее короткий полный злости взгляд и отвернулся:

— Я, кажется, предупреждал тебя, — проговорил я глухо. — Я просил, чтобы ты не искала встреч со мной. Я говорил, что если кто-то узнает о том, что ты все помнишь, тебя попросту убьют...

— Фарик, но... — она накрыла ладошкой мою руку. Я резко отдернул ее и спрятал под столиком, лишь мельком глянув на ее лицо. Она казалась расстроенной.

— Он дал мне десять минут. Если в течение этих десяти минут я не сотру твою память, он убьет тебя, — сказал я тихо и отвернулся к окну.

Ее стул скрипнул, а потом я ощутил ее ладони на моих щеках. Она повернула мое лицо к себе и заглянула в глаза. Я пытался отвести взгляд, но все было напрасно.

— Честно говоря, я думала, что ты меня дразнишь, — сказала она серьезно. — Но теперь я понимаю, ты надо мной просто издеваешься. Я уже три месяца не могу спать. Я закрываю глаза и вижу твое лицо. Слушаю музыку, а слышу твой голос. Хожу по магазинам и мысленно советуясь с тобой. Фарик, я... — она вдруг отпустила мои щеки и расплакалась, закрыв лицо руками.

— Света, — мне захотелось успокоить ее, прижать ее к своей груди, обнять ее, поцеловать, но я удержался от этого, чувствуя на себе тяжелый взгляд отца.

Внезапно все звуки стихли, как будто кто-то поставил мир на паузу. Стало так тихо, что я даже слышал, как бешено стучало мое сердце. А потом на мое плечо легла мягкая крепкая ладонь. Я поднял глаза. Он стоял справа от меня, положив руку мне на плечо, и улыбался своей королевской улыбкой. Я невольно улыбнулся ему в ответ.

— Дед, — всхлипнул я, — что мне делать?

— Решай сам, — он смешно дернул плечами и сел на стул, на котором раньше сидел Шаул.

— Как это? — опешил я.

— А вот так, — он улыбнулся еще шире. — Видишь ли, я знал, точнее, я догадывался, что ты не станешь стирать ей память.

Я нахмурился.

— Она ведь такая милая, такая трогательная, и ты так о ней заботился. В кабинете завуча ты

беспокоился именно о ней, а не о себе и не о близнецах, хотя они были в куда большей опасности. И застав ее в объятиях Ирины, ты подумал не о том, насколько эта сцена завораживающая и возбуждающая, а о том, что она совершенно не соображает, что происходит вокруг.

— Ты и об этом знаешь? — удивился я.

Он усмехнулся:

— А теперь решай сам. Ты можешь сейчас стереть ей память, отобрать у нее не месяц, а четыре месяца жизни — тебе ведь придется изымать свой образ из ее памяти полностью — или можешь жениться на ней. Любое твое решение будет правильным.

— Жениться... — повторил я задумчиво. — А что бы ты сделал на моем месте? — спросил я, когда он поднялся.

Он снова смешно передернул плечами:

— Я бы не был на твоем месте... Когда примешь решение, просто щелкни пальцами, я запущу время.

Я снова опустил голову.

Решай сам. Легко ему говорить. С одной стороны, мне было бы очень приятно, если бы она помнила меня, больше того, если бы она была рядом со мной. А с другой, я ведь прекрасно понимаю, что я ей не пара, что ей будет плохо, что она никогда не будет счастлива со мной.

Я обхватил голову руками. Это было странно — меня никогда раньше не заботило, что будет чувствовать рядом со мной женщина. Для меня всегда существовало только мое желание и мои потребности. Если я хотел ее, я просто соблазнял ее, не особо задумываясь о том, чего хотела она. Потому что я всегда уверен, что меня хотят все. Я и сейчас уверен, что она меня хочет — в противном случае она бы не вошла сюда — но мне почему-то было очень неуютно даже просто сидеть рядом с ней, почему-то мне не нравилось видеть ее слезы и думать о ней просто, как о теле. Мне хотелось протянуть руки, обнять ее плечи, прижаться губами к ее губам, ласкать ее, но я не смел сделать этого без ее согласия.

Да, она сама должна сказать мне, чего она хочет — забыть меня, вычеркнуть из своей жизни, или остаться со мной и стать моей женой.

Я поднял на нее глаза. Она сидела, закрыв ладошками лицо и низко склонив голову. Я протянул руку и коснулся ее запястья. — Светочка, я и волоса твоего не стою, не то что слезинки. Я... я должен рассказать тебе все, но я боюсь. Боюсь, что ты уйдешь, что ты не захочешь больше меня видеть и предпочтешь забыть обо всем, что случилось. Свет, что мне делать? Как мне рассказать тебе и при этом не напугать тебя? Помоги мне, прошу тебя...

Я отнял руку и щелкнул пальцами. Мир вокруг снова пришел в движение, ее плечи судорожно вздрогнули. А затем она убрала руки от лица и посмотрела на меня полными слез глазами. Я ободряюще улыбнулся и подмигнул ей. Она улыбнулась в ответ, а у меня внутри все сжалось. Как рассказать ей? С чего начать? Что ей можно рассказывать, а что нет? Дед, где ты, когда ты мне так нужен?

— Свет, — я накрыл ладонью ее руку, — я хочу задать тебе один важный вопрос... от ответа на него будет зависеть вся твоя дальнейшая жизнь. Но перед этим я должен рассказать тебе кое-что... — она смотрела на меня с недоверием. — Для начала... пойдём прогуляемся... — предложил я, бросив быстрый взгляд ей за спину, где возле барной стойки стоял отец и братья.

Она кивнула. Отец тоже еле заметно кивнул, не спуская с меня глаз. Но сейчас его взгляд был

не суровым, а просто внимательным. Дед объяснил ему все. Хорошо.

Я поднялся со стула, надел свою осеннюю куртку, помог подняться Светлане, положил ее ручку в теплой меховой перчатке на свой локоть и мы вышли на улицу.

Несмотря на ясную погоду, дул довольно неприятный ветер. Я невольно поежился и плотнее закутался в свою куртку. Света посмотрела на меня с беспокойством, но ничего не сказала.

От входа кафе к гранитным плитам набережной вела небольшая лесенка. Внизу почти у самой кромки льда стояла скамейка на гнутых кованых ножках и невысокий фонарь. Я повел девушку к этой скамейке. Она не сопротивлялась и ничего не спрашивала.

Когда мы устроились на скамейке, я отпустил ее и обхватил голову руками, глядя на воду.

— Видишь ли, Света, — начал я тихо, — я не совсем человек. Точнее, я совсем не человек. — Она молчала. Я бросил на нее короткий взгляд. Как и я, она смотрела на воду, сцепив руки в замок. — Таких, как я, называют демонами, — она бросила на меня недоверчивый взгляд. — Это не значит, что я посланник ада, что моя миссия на земле дурачить людей или захватывать их души. На самом деле я просто принадлежу к другому виду, не лучше и не хуже тебя. У меня есть некоторые способности, которых нет у людей, я владею магией, но лишь потому, что в том месте, где я родился и вырос, без этого никуда. Там без магии даже из комнаты не выйти, не говоря уже о чем-то другом. И так как это место так сильно отличается от Земли, у нас совсем другие представления о морали, о справедливости, о добре и зле...

— К чему ты ведешь? — прервала она меня.

— Я веду к тому, что я далек от образца человеческой морали, — вздохнул я. Она права, хватит предисловий. — Для меня существуют только мои сиюминутные порывы и желания, мои собственные принципы и представления о справедливости, и мне плевать на мнение окружающих. Раньше, когда я сходил с женщинами, мне было совершенно неважно, чего они хотели, к чему стремились, чего ожидали от меня или от жизни в целом. Мне было важно только то, чего хотел я. Поэтому люди, которые пытались заниматься со мной любовью против моей воли, умирали. Некоторых убивал я сам, некоторые кончали жизнь самоубийством... — я не смотрел на нее, но я чувствовал, как на ее глазах выступили слезы.

— Зачем... ты это рассказываешь... мне? — спросила она прерывающимся голосом.

Я закрыл ладонями лицо и не ответил. Действительно, зачем? Я бы мог сейчас наврать ей с три короба, и уже через пятнадцать минут она бы стонала и выгибалась в моих объятиях.

— Я... я не знаю, — наконец, ответил я. — Я хочу быть честным с тобой. Я хочу, чтобы ты знала обо мне как можно больше. Чтобы, когда я поставлю тебя перед выбором, ты сделала его осознанно...

— Я уже сделала свой выбор... — тихо проговорила она, а у меня внутри все оборвалось.

— И... что же ты... решила?... — теперь дрожал мой голос.

Впервые в жизни мне было страшно не за свою жизнь. Я боялся, что она сейчас попросит стереть ей нахрен память, что она не желает помнить такого уroda, как я, что...

— Я хочу быть с тобой... — произнесла она шепотом, но для меня этот шепот был громче грохота камнепада.

И снова вокруг воцарилась тишина, которую нарушал только бешеный стук моего сердца.

Ее ручка легла на мое запястье, и от одного этого прикосновения все мое тело пронзил электрический ток. Я поднял на нее глаза. Она смотрела на меня со снисходительной улыбкой, а на ее лице играл легкий румянец, то ли от мороза, то ли от смущения. Мне захотелось прижаться к ее щекам губами, захотелось обнять ее, расцеловать, но я не смел

пошевелиться, чтобы не нарушить эту хрупкую магию, которую я ощущал кожей.

— Я люблю тебя, Фарит... — еще тише, чем раньше, проговорила она.

— Шейн, — в тон ей исправил я. — Мое имя Шейн.

Она улыбнулась и потянулась ко мне. Я тоже подался вперед и наши губы, наконец, встретились. О, Хаос Всемогущий, это был самый сладкий поцелуй в моей жизни! И я впервые полностью отдался в его власть — я закрыл глаза. Я не видел этого, но я знал, что она сделала то же самое.

А потом мы до темноты бродили по улицам Москвы. Она показывала мне свои любимые места — парки, скверы, бульвары и проспекты, старинные дома, уютные дворики и узкие извилистые улочки — а я не сводил с нее глаз. В своей короткой светло-серой приталенной дубленке и маленькой меховой шапочке, в высоких белых сапожках и с небольшим рюкзачком на плече она была похожа на снежную царевну, Снегурочку и принцессу из какой-то старинной доброй сказки.

Когда над нами сгустились сумерки и с неба начал падать снег, кружась на ветру в диковинном танце, она предложила пойти к ней. Видимо, она заметила, как по моему телу все чаще пробежала дрожь, и как я все плотнее кутался в свою куртку, которая в такую погоду спасала не больше, чем доспехи.

Мы прошли через небольшой, но аккуратный двор к подъезду трехэтажного дома, быстро поднялись на третий этаж. Она достала из кармана дубленки связку ключей, замок щелкнул, и мы вошли в темную прихожую.

— Прости, у меня тут лампочка перегорела, — извиняющимся тоном проговорила она.

Вместо ответа я одним движением расстегнул ее дубленку, обнял ее за талию поверх свитера и снова впился поцелуем в ее губки. Она обняла мои плечи и позволила мне провести себя в спальню.

Мы остановились у кровати. Я сбросил с ее плеч дубленку, пока она возилась с застежками на моей куртке, снял с головы шапку и отступил на шаг.

Она была в том же кашемировом свитере, что и тогда три месяца назад, и в той же шерстяной клетчатой юбке.

Я сбросил на пол свою куртку и опустился перед ней на колени, чтобы расстегнуть ее сапоги. И тут мне в ноздри ударил запах, который тогда так взбудоражил меня, что я почти выдал себя. И мое тело снова отреагировало, да так бурно, что я чуть не потерял сознание от боли. Она провела рукой по моим волосам, и это прикосновение придало мне сил. Я оставил в покое ее сапоги и провел руками вверх по ногам. Она была в плотных чулках и маленьких кружевных трусиках. Я сначала нежно коснулся ее ягодиц (от чего она вздрогнула, и запах стал еще интенсивнее), затем провел кончиками пальцев по внутренней поверхности бедер, потом как бы случайно коснулся заветной ложбинки тыльной стороной ладони. Она судорожно глотнула ртом воздух, и ее ладошки снова легли на мою голову. Тогда я резко схватил ее за попку и с силой придвинул к своему лицу. Она вскрикнула от неожиданности и схватила меня за волосы. Я ткнулся носом в ее лобок и стал медленно мять податливую, но упругую кожу под моими пальцами.

Вдоволь насладившись ее запахом и тихим попискиванием, я резко сорвал с нее трусики. Она снова вскрикнула, а я провел языком по набухшим половым губкам. Попискивание превратилось в постанывание. Я нащупал самую чувствительную точку и чуть надавил на нее. Сверху донесся сдавленный стон. Я ухмыльнулся про себя и стал массировать эту точку, то

усиливая, то ослабляя давление. Она уже стонала в голос, а ее запах был настолько сильным, что я убрал руки с ее ягодиц и щелкнул пальцами, приказывая моему ремню и брюкам расстегнуться. Мне тут же стало легче дышать, и я с трудом поднялся с колен. Она дрожала как осиновый лист, когда я запустил руки ей под свитер и слегка сжал топорщившиеся под бюстгальтером сосочки. Наши губы снова встретились, а я провел рукой по ее спине, расстегнул юбку, которая тут же упала к ее все еще обутым в сапоги ногам, и снова забрался ей под свитер. Ее бюстгальтер я также расстегнул одним щелчком пальцев, боясь, что еще немного таких предварительных ласк, и я кончу даже от легкого прикосновения. А тем временем ее ручки скользили по моей спине, стягивая с меня свитер. Я позволил ей раздеть меня первым. А когда ее свитер также полетел на пол, я подхватил ее под бедра, не размыкая губ, и резко насадил на себя.

Ее испуганный вскрик превратился в стон блаженства. Она крепче обхватила мои плечи и стала двигать бедрами навстречу моим движениям. Ее толчки были слабыми и немного неуклюжими, но сегодня в этом танце вел я.

Я знал, что это ее первый раз — я почувствовал легкое сопротивление, когда вошел в нее, поэтому я не торопился. Крепко удерживая ее бедра одной рукой, другой я водил по ее спине, ощущая, как ее соски, ставшие почти каменными, терлись о мою грудь.

Она стонала почти без перерыва, иногда вскрикивая, когда я толкал чуть сильнее. Но вот я почувствовал, как ее ноги судорожно сжали мою поясницу, как ее ногти впились в мои плечи, и как стали судорожно сокращаться мышцы ее влагалища. Но вместо того, чтобы ускориться, я замер. На лбу выступила испарина, внизу живота все болело, дышать было тяжело, но я сумел сдержаться. Она дернулась еще пару раз, и повисла на мне, как тряпичная кукла, и наши губы разомкнулись.

Я легко перевернул ее спиной к себе, не желая покидать влажное тепло ее лона, поставил ее ножки на пол и обнял живот и плечи, придерживая руки.

Она всхлипнула, а я снова начал двигаться, все наращивая скорость. Она кричала, рвалась, как птичка в силках, выла каким-то низким грудным голосом, а я долбил ее, как отбойный молоток. Когда внутри нее снова стало тесно, а боль внизу живота превратилась в барабанный бой, я не смог сдержаться. Я изливался в нее так, словно последние три месяца ждал только этого момента, и вместе с семенем я выпускал всю боль разлуки, которая, как оказалось, тупой занозой сидела все это время в моем сердце.

Она снова обмякла. Я тоже не устоял на ногах, и мы вместе рухнули на постель. Я нежно поцеловал ее в плечо и уткнулся носом ей в спину.

— Я люблю тебя, Шейн... — прошептала она, тяжело дыша.

Я не ответил, лишь крепче обнял ее и прижался лицом к мокрой от пота спине...

В окно светило красноватое зимнее солнце, заливая своими лучами ее голову, уютно устроившуюся на моем плече. Ее волосы рассыпались по подушке, длинные ресницы вздрагивали в такт дыханию, а на округлых щеках играл легкий румянец.

Я поцеловал ее в лоб. Она чуть сдвинула бровки и причмокнула губами.

Я чувствовал себя необычайно спокойным и умиротворенным.

Даже с Фрейей я никогда не испытывал этого. Наоборот, рядом с ней я всегда ощущал беспокойство. Я боялся, что в самый ответственный момент кто-нибудь войдет в ее комнату и застукнет нас. Иногда мне даже кажется, что я обратил внимание на Фрейю лишь для того, чтобы насолить своему дяде Кейрану. На саму девушку мне было, по большому счету,

наплевать. Мне было все равно, хотела она быть со мной или нет, что она думала о нашей «любви». Я даже не интересовался ее судьбой после того, как все раскрылось.

Со Светой все иначе. Мне действительно не все равно. Мне хочется ее оберегать, защищать, заботиться о ней. Почему?

Может, из-за того, что в сентябре мне не удалось овладеть ею? Ведь раньше, с какой бы женщиной не встречался, я получал ее в течение одного дня, если не одного часа. Причем мне не нужно было прилагать для этого никаких усилий — она сама ложилась и раздвигала ноги, еще и радовалась, что я снизошел до секса с ней. А тут сначала я целый месяц смотрел на нее, как голодный волк на раненого барашка на другом берегу пропасти, а потом еще три месяца будоражил свое воображение, обнюхивая до одурения ее трусики.

Хотя, по правде сказать, занимался я этим не три месяца, а всего три недели. Мне поручили вывести из строя электростанцию, я немного не рассчитал напряжение, и там начался пожар. Все мои вещи сгорели, я сам оттуда с трудом ноги унес, но больше всего я сожалел не о полученных ожогах и переломах, а именно о сгоревших трусиках Светланы.

Позже этот запах мерещился мне при каждом удобном и не очень случае, и каждый раз вызывал такую же бурную реакцию, как этой ночью...

А может, все дело в чувстве вины, которое я испытываю по отношению к своей дочери? Ведь ей сейчас лет примерно столько же, сколько Свете. Они даже внешне чем-то похожи. Да, я тогда признал отцовство, да, благословил ее брак с Трэбблом, да, она сейчас в полном порядке, живет в Королевском Дворце, а Старейшие, которые когда-то изгнали ее деда из клана, сейчас ходят к ней на поклон, как к своей главной заступнице, но ведь это не искупает моей подлости по отношению к ней и к ее матери. И я до сих пор чувствую себя виноватым в смерти Фрейи. Если бы я не был таким эгоистом, если бы немного больше думал о ней, ничего бы не случилось — она была бы жива, ее отец остался бы Главой Детей Бездны и капитаном Королевской стражи...

А может, здесь замешано еще что-то? Моя подсознательная склонность к инцесту? Буду честным, когда впервые увидел свою дочь, я возжелал ее. Мне тогда пришлось приложить немало усилий, чтобы побороть этот порыв, чтобы убедить себя в том, что она моя дочь. Но даже сейчас, когда мы встречаемся на каких-то семейных посиделках, мое первое желание — поцеловать ее не по отечески в щечку или в лоб, а по настоящему в губы, прикоснуться к ее груди, обнять ее за талию... Фу, ты черт, я опять возбуждился... Дьявол...

Я снова поцеловал Свету в лоб, она заворочалась и ее ручка скользнула к моей промежности. Я затаил дыхание, наблюдая за выражением ее лица. Сначала она нахмурилась, ощупывая мой возбужденный донельзя орган, а когда ее пальчик коснулся головки, на которой выделилась капелька смазки, румянец на ее щеках стал ярче. Я ухмыльнулся и придержал ее руку. Она судорожно вздохнула и раскрыла глаза. В воздухе снова поплыл аромат ее лона.

— Доброе утро, — улыбнулся я.

— Д... доброе... — она смотрела мне в глаза с испугом. — П... прости... я... не хотела... — пробормотала она, но я помешал ей закончить, закрыв ее рот поцелуем, одновременно перевернув на спину и нависнув над ней на руках.

Она попыталась вырваться и даже уперлась кулачками мне в грудь, но я уже развел пальцами ее половые губки и резко вошел в нее на всю длину. Она вскрикнула и крепко обняла мои плечи.

— Шейн... — выдохнула она, когда я решил прервать поцелуй и позволить ей перевести дух.

— Я... мне... на работу...

— Не переживай, — ответил я, ускоряясь и наблюдая за тем, как она закусила губу и прикрыла глаза, — я сделаю все быстро...

Всего с десятков толчков в бешеном ритме. Она выгибалась, выла, стонала, царапала мою спину, а потом резко сжала меня ногами, а мышцы ее влагалища стали отбивать какой-то совершенно сумасшедший ритм. Я не стал сдерживаться, и опять излился в нее бурным потоком. А затем снова припал губами к ее губам. Она тяжело дышала, на ее лбу и щеках выступила испарина, а я целовал ее, ощущая солоноватый привкус на своих губах и ее дурманящий аромат, и никак не мог остановиться.

— Шейн... прекрати... — прошептала она в паузе между поцелуями.

Я поднялся над ней на руках и посмотрел с удивлением.

— Мне действительно пора вставать, — улыбнулась она, прикрыв глаза. — Хорошо, — вздохнул я и вышел.

Она тут же вскочила с постели и побежала в ванную, а я пошел в кухню, не без труда нашел в одном из многочисленных шкафчиков пакет с молотым кофе и турку и стал варить кофе.

Когда она вышла из душа в одном полотенце, я вернулся в спальню с маленьким подносом с двумя чашечками с кофе, сахарницей и несколькими бутербродами. У нее в холодильнике было пусто как в нашей съемной квартире, а кофе у меня сбежал, поэтому я обратился к отцу, чтобы он помог мне с завтраком. Он загадочно ухмылялся, пока я объяснял ему, что мне нужно и зачем. А потом до меня дошло, что я стоял совершенно голым посреди кухни на фоне незнакомого вида из окна. Я даже смутился.

Света одним махом выпила свою порцию кофе, сложила бутерброды в полиэтиленовый пакет и стала носиться по комнате, судорожно выуживая из общей кучи одежды свои вещи.

— Свет, ну, может, ты сегодня дома останешься? — ныл я.

— Извини, не могу, — прыгая на одной ноге и пытаясь втиснуть другую в сапог, ответила она.

— Ты забыл, где я работаю? У меня ученики. К тому же сегодня педсовет.

Я вздохнул и растянулся на постели:

— Во сколько тебя ждать?

— Педсовет у нас в час пятнадцать, длится он, как правило, минут сорок. Значит, около двух...

— она смешно закатила глаза к потолку и приложила пальчик к подбородку. — Ты будешь здесь или пойдешь домой?

Я пожал плечами:

— Пока не знаю.

— Просто у меня только один ключ, — пояснила Света. — Я оставлю его в прихожей на трюмо.

— Угу, — кивнул я.

— Закрой за мной, — она звонко чмокнула меня в щеку и, цокая каблучками, выбежала из квартиры.

Я вышел за ней в прихожую и щелкнул пальцами. Дверь послушно закрылась, и замок провернулся.

Я вернулся в спальню, лег на кровать и закутался в одеяло. Я чувствовал какое-то необъяснимое облегчение, будто с моих плеч свалилась гора. Под одеялом было тепло и уютно, солнце ласково пригревало лицо. Я закрыл глаза и позволил трепетной утренней дремоте навалиться на меня.

Мне снился чудесный сон. На мягкой ярко-зеленой подушке изо мха сидела обнаженная Светлана. Рядом с ней стоял наполовину скрытый от моих глаз Единорог. Света нежно перебирала его тонкую белоснежную гриву и гладила его шею, а он, благодарно прикрыв синие глаза, вылизывал шелковистым розовым языком ее щеки, плечи и грудь. Она смущенно улыбалась и краснела всякий раз, когда разгоряченный язык нашего покровителя касался ее взбухших сосочков...

Из сладостного сна меня выдернул странный звук — будто в замочной скважине проворачивался ключ. Я резко раскрыл глаза и сел на постели, отгоняя остатки видения. Замок щелкнул еще раз и дверь тихонько скрипнула. Солнце было еще довольно низко, значит, это не может быть Светлана. Кроме того, ее единственный ключ лежит на тумбочке в прихожей.

Я быстро наложил на себя заклинание невидимости, забросил вещи на постель и накрыл их одеялом. А затем выглянул в прихожую.

Он стоял возле двери, поставив грязную клетчатую сумку на пол, и разувался, оперевшись левой рукой о стену. Мне совсем не понравилось, что в ее квартиру вот так в ее отсутствие может войти посторонний мужчина, но я решил подождать, что произойдет дальше.

Он разулся, поставил свои грязные стоптанные ботинки у двери и шагнул в комнату. Это был среднего роста очень полный мужчина с редкими темно-русыми жирными волосами, уложенными на пробор, и невнятным лицом. На нем был желто-коричневый свитер, брюки того же гнусного цвета и дешевые драные носки. Незнакомец воровато огляделся, заглянул в кухню и замер возле комода. Дрожащими руками он вытер пот со лба, а затем выдвинул средний ящик, опустился перед ним на колени и вынул оттуда нечто. Я сначала не понял, что он делал, но когда он знакомым жестом поднес это нечто к лицу, у меня внутри все прямо вскипело от негодования. Да как он смеет, долбаный извращенец!

Я вышел в ванную, снял заклинание, обернул вокруг бедер полотенце и вернулся в комнату. — Что здесь происходит? — грозно спросил я, глядя на него.

Он аж подпрыгнул от неожиданности и развернулся ко мне, все еще сжимая в руке ее трусики.

— Кто вы такой? — проговорил я, глядя на него из-под нахмуренных бровей.

Он вдруг осел на пол, уперся спиной в комод и закрыл выдвинутый ящик.

— Я... я... — мямлил он.

Мне хотелось заставить его ползать на коленях, размазать по полу, убить. Этот смертный посмел покуситься на мою невесту! Он прикоснулся к ее вещам, осквернил своей похотью ее нежный образ! Не будет ему пощады!

— Кто вы такой? — медленно повторил я, а мои руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Я... я... — продолжал мямлить он, закрывая голову и лицо руками. — Я... хозяин...

Стоп! Нельзя. Нельзя убивать его. По крайней мере, здесь точно нельзя. Если Света узнает — а она узнает — она меня больше видеть не захочет. Черт! Но и безнаказанным его отпустить нельзя.

Что делать? Где же дед со своими человеческими советами?

Я мрачно протянул руку. Толстяк в недоумении посмотрел на мою ладонь, потом на свою, в которой он все еще сжимал ее трусики. И вложил этот кусочек ткани в мою руку.

— А теперь выметайся отсюда, и чтобы я тебя больше здесь не видел в отсутствие Светы.

Он часто закивал, встал на четвереньки, несколько секунд стоял так, будто соображая в какую

сторону ему идти, затем вдруг резко подскочил, выбежал в прихожую, собрал свои манатки и босиком выскочил на лестницу.

Я усмехнулся и закрыл за ним дверь.

— Bravo, малыш, — услышал я из спальни голос деда, — свой первый экзамен на человечность ты сдал на отлично.

— Ты все это время был здесь, — улыбнулся я, войдя в комнату и найдя его парящим над постелью в полулежачем положении.

— Ну да, — он улыбнулся мне в ответ. — Я же должен присматривать за вами. А зная твой вспыльчивый нрав, с тебя вообще глаз нельзя спускать.

— Ты знал, что она согласится?

— Я не знал, что ты решишь дать ей возможность выбрать. Это само по себе уже о многом говорит. Это значит, что я, как минимум, не просчитался, когда поставил на эту лошадку. А судя по тому, что на часах полдень, а ты все еще в ее квартире и уходишь, по-видимому, не собираешься, она тебе действительно понравилась. В противном случае здесь бы уже было с полдюжины проституток разного возраста и калибра...

— Не называй ее лошадкой, — прервал я его.

— Прости, — он довольно ухмыльнулся. — Мне приятно это слышать. В другой ситуации ты бы не обратил ни малейшего внимания на то, как я о ней отозвался.

— Зачем тебе все это?

— Разве не очевидно? — он сел в воздухе и пожал плечами. — Я хочу женить тебя.

— Зачем? — я откинул одеяло и стал одеваться.

— Мне не нравится твое отношение к женщинам, — вдруг проговорил он серьезно. — Они для тебя вещи, инструменты для исполнения твоих желаний. С таким отношением ты никогда не женишься. Я бы не особо беспокоился об этом, если бы не одно обстоятельство — ты наследник престола, будущий король. Рано или поздно тебе все равно придется жениться. Разумеется, жену бы тебе подобрали советники, ты бы с удовольствием показался с ней пару раз на людях, возможно, даже переспал бы с ней разок для проформы, но потом... Ты бы не смог хранить ей верность и вместо государственных дел просиживал бы сутками в публичных домах. Это недопустимо, Шейн. Фигура такого масштаба обязана если не быть непогрешимой и идеальной, то, по крайней мере, соблюдать внешнюю пристойность. Вспомни, хотя бы своего прапрадеда.

— Ага, образец пристойности, — прыснул я

— Не нравится, вспомни Рэндома.

— Ладно, уговорил. Но я ведь и ей не смогу хранить верность вечно. Рано или поздно она тоже мне надоест.

— Возможно...

— К тому же, она в любом случае умрет раньше меня...

— Кто сказал?

— Ну, она же смертная, — я посмотрел на него с недоверием. — Или нет?

— Но ты ведь заметил сходство, — ухмыльнулся он. — Заметил, и что?

— Ты веришь в такие случайности?

— Ах ты, гад! Ты все это специально подстроил! — вдруг осенило меня.

— Разумеется, — он улыбнулся своей совершенно обезоруживающей улыбкой, и я понял, что как бы я не был зол на него, мне придется просто смириться и принять его решение. —

Неужели ты всерьез полагал, что для поимки двух ведьм мне бы понадобилось внедрять вас всех пятерых? Я бы замечательно справился и в одиночку. Или с одним Трентом. Да один Трент с этим справился бы куда быстрее и лучше, чем вся ваша бригада...

— Ты специально запретил мне крутить романы на работе...

— Ага, — он потрепал меня по плечу. — Ты же привык, что бабы сами вешаются на тебя. Тебе неведомо чувство вожделения чего-то запретного и недостижимого. И вот ты целый месяц смотрел на нее и облизывался. А она смотрела на тебя. Потом вы расстались, но и в разлуке ты продолжал вспоминать о ней. Если бы я позволил тебе заняться с ней любовью тогда, ты бы вчера и имени ее не вспомнил. А так...

— Козел, — выдохнул я в гневе.

— Циник, — поправил он меня и снова улыбнулся. — Послезавтра приведи ее во Дворец. Вашу помолвку надо оформить официально. А так я даю тебе отпуск на две недели. Потом тебе придется вернуться к своим обязанностям. Через пару месяцев сыграем свадьбу. А дальше видно будет...

Я отвернулся от него. Мне хотелось ответить ему какой-нибудь гадостью. Меня всего аж распирало от злости. Но когда я придумал, что сказать, в комнате его уже не было. То ли он стал невидимым, то ли и правда ушел.

Я сел на кровать и обхватил голову руками. Сволочь, как ему не стыдно играть моими чувствами и чувствами Светы? Как он вообще посмел вмешиваться в мою личную жизнь? Да, он Король, он бог, он обладает чудовищной силой и властью, но, в конце концов, существуют какие-то нормы и правила и для него!

Я вздохнул и ухмыльнулся. Не далее как вчера днем я объяснял Свете, что в мире, где я живу, не существует понятий человеческой морали, а сейчас сам же обвинял своего деда в ее отсутствии. Смешно.

Часы над аркой кухни пробили час пополудни. Я поднялся с постели, натянул носки и свою легкую куртку и вышел в прихожую. Надо ей лампочку починить, подумал я и потянулся к светильнику. Это была обычная лампа накаливания на шестьдесят ватт. Тонкая вольфрамовая проволока лопнула у правого рожка. Я немного расправил спираль, натянул проволоку и приказал ей обмотаться вокруг рожка. Она покорно выполнила мой приказ. Я пустил ток между пальцами. Лампочка тут же загорелась. Я вкрутил ее обратно в светильник. Затем я вспомнил о дневном посетителе и невольно поморщился. Мне было противно от одной мысли о том, что этот жирный боров трогал белье моей Светланы. Я подошел к комоду, щелкнул пальцами, заставив выдвинуться средний ящик, и с отвращением посмотрел на сложенные аккуратными стопочками трусики, бюстгалтеры, чулочки и носочки. Я поднял руки, приказывая частицам в тонких тканях двигаться с бешеной скоростью. Через несколько секунд над ящиком взвилось высокое голубовато-зеленоватое пламя и исчезло уже через мгновение. Я вынул ящик, вытрянул в мусорный пакет оставшийся пепел, завязал пакет узлом, вышел в прихожую, обулся, подхватил ключи и покинул квартиру, небрежно щелкнув пальцами напоследок.

На улице было холодно. Пронзительный ветер насквозь продувал мою осеннюю куртку, и от каждого порыва я дрожал, как осиновый лист. Ноги нещадно мерзли в тонких туфлях, и когда я вышел со двора, мои щеки и уши горели.

На противоположной стороне дороги стоял небольшой магазинчик. Я быстро пересек улицу и вошел за стеклянную дверь. Здесь было далеко не так тепло, как я ожидал, но все ж лучше,

чем снаружи. Продавщица за прилавком — потасканного вида немолодая тетка с длинными рыжими волосами и густо накрашенными ресницами — смотрела на меня равнодушно и несколько раздраженно.

— Чего надо? — спросила она скучающим тоном.

Я бросил на нее один единственный взгляд, но, видимо, настолько красноречивый, что она тут же встала по стойке смирно и больше не приставала ко мне с вопросами.

Я тем временем застегнул свою куртку до самого подбородка, наполнил пространство под ней теплым воздухом, повысил температуру тела на четыре градуса и настолько же снизил температуру открытых участков кожи. После получаса на ветру я, разумеется, буду выглядеть как Кощей Бессмертный, зато мои уши и пальцы останутся целыми. Затем заправил брюки в туфли и также повысил температуру ног. Конечно, все это лишь временные меры. Все равно придется купить теплую куртку и обувь по сезону. Но так я хотя бы до магазина смогу дойти.

Я развернулся к продавщице:

— Дай мне пару апельсинов, бутылку йогурта и пакет яблочного сока.

Она натянуто улыбнулась и протянула мой заказ.

Я расплатился и вышел на улицу. Теперь намного лучше. Пакет с пеплом я выбросил в стоявшую у дверей магазина урну и направился к школе.

Света стояла на ступеньках высокого крыльца и разговаривала с какой-то женщиной в длинной тяжелой шубе. Я сделал ей знак, она попрощалась со своей собеседницей и подбежала ко мне. Я небрежно чмокнул ее в щеку, положил ее ручку на свой локоть и, не говоря ни слова, повел ее прочь со школьного двора.

Первые два квартала она шла за мной молча. Меня это устраивало, но вот на очередном светофоре она повернулась и заглянула мне в глаза:

— Шейн, что случилось? Ты такой бледный...

— Холодно, — коротко ответил я. Моя куртка катастрофически не держала тепло, и я опять начал замерзать. Я больше не чувствовал пальцев на ногах, и мороз ощутимо покусывал щеки и уши.

— У тебя нет ничего потеплее? — она смотрела на меня с неподдельным беспокойством.

Я мотнул головой. Говорить я уже не мог — боялся, что вместо ответа начну громко стучать зубами.

— Я поняла, — она кивнула и снова покорно пошла за мной к видневшемуся в морозной дымке торговому центру.

Мы вошли в просторный холл, ярко освещенный огромными хрустальными люстрами под высоким потолком, я незаметно размял руки и помотал головой. Отлично, обморожений нет. Пальцы на ногах начали покалывать, и это тоже хороший знак — к ним возвращается чувствительность.

Я повел ее к первому же бутику женского нижнего белья. Она посмотрела на меня с удивлением и остановилась на пороге. Я обернулся к ней:

— В чем дело?

— Зачем ты меня привел сюда? — она нахмурилась.

— Так надо, — ответил я. Мне совсем не хотелось объяснять ей, что я сжег все ее нижнее белье.

— У меня дома полный ящик, — она нахмурилась еще сильнее.

— Больше нет, — коротко ответил я и тоже нахмурился.

— Что случилось, Шейн?

— Моя невеста не должна носить дешевое белье, — пояснил я и с силой затянул ее за стеклянную дверь.

К нам тут же подлетела улыбающаяся во весь рот симпатичная продавщица в коротеньком строгом платице и плотных черных колготках:

— Вам что-то подсказать? — спросила она.

— Моей невесте нужно выбрать несколько комплектов белья, — угрюмо пояснил я, — но меня не интересует всякая дешевка. Оно должно быть красивым, практичным и удобным и только из натуральных тканей.

Продавщица окинула Свету презрительным взглядом и снова улыбнулась мне:

— Боюсь, молодой человек, у нас не найдется ничего, соответствующего вашим критериям для вашей невесты. У нее слишком большой размер.

Я спиной ощутил, как Света вспыхнула до корней волос.

— Если ты, сучка, еще хоть раз позволишь себе так высказаться о ней или даже так посмотреть в ее сторону, — в ярости прошипел я на ухо продавщице, — я тебе такую сладкую жизнь устрою, что до самой смерти не забудешь.

Девушка побледнела, коротко кивнула и, не смея поднять на Свету глаза, провела ее в примерочную. Я расположился на низком диванчике, взял со стоявшего здесь же стеклянного столика журнал и стал лениво листать его. В бутике было даже жарковато, но я не собирался уходить отсюда, пока Светка не выберет себе белье. Первый комплект мне категорически не понравился. Во-первых, он был ей безбожно мал, а во-вторых, выглядел так, будто по нему только что проехался гусеничный трактор. Я нахмурился, а девчонка-продавщица втянула голову в плечи и побледнела еще сильнее. Второй комплект выглядел несколько лучше, но Света сказала, что он ей трет и жмет и вообще ей в нем неудобно. Третий из мягкого красного шелка и нежнейших кружев сидел на ней идеально. Света тоже его одобрила.

После полутора часов утомительных примерок, нагруженные пакетами и коробками, мы поднялись на второй этаж, где располагались многочисленные ресторанчики и закусочные. Сначала я усадил Свету на узкую банкетку у перил, заставил ее выпить соку и закусить апельсином. Она хмурилась, но послушно жевала сладковатую мякоть фрукта. Япил йогурт и тоже ел апельсин. После этого я молча отвел ее в ресторан японской кухни — самый дорогой в этом месте.

Когда принесли наш заказ, Света подняла на меня пылающий взгляд. На ее щеках горел румянец возмущения.

— Мне не нравится, что ты ведешь себя со мной подобным образом, — сказала она тихо.

— Каким именно? — уточнил я.

— Ничего не объясняешь, решаешь все за меня. Я, например, не люблю апельсины и яблочный сок, ни по отдельности, ни вместе.

— Придется привыкать. В твоем состоянии тебе нужны витамины, железо, калий, магний...

— В моем состоянии? — она почти взвизгнула. — Ты хочешь сказать, что я беременна?

— Пока нет, но вскоре все может случиться...

— А если я еще не готова рожать детей?

— Это уже не тебе решать...

— Как это не мне? — на ее глазах выступили слезы. — А кому?

— Скоро ты все узнаешь, — я опустил голову. — Пока тебе достаточно помнить, что ты больше

не принадлежишь себе. Я предупреждал тебя, что твоя жизнь изменится...

— Шейн, — она положила руку на мое запястье, — я хочу быть с тобой. Но я не хочу делать то, что мне прикажут. Я хочу оставаться собой...

— Раньше надо было думать, — резко оборвал и посмотрел на нее со злостью. Она инстинктивно отпрянула от меня.

— Что ты сказал... той продавщице? — прерывающимся голосом спросила она.

— Это неважно, — я отвел глаза в сторону. — Важно то, что эта девка не имела никакого права так смотреть на тебя.

— Если тебе не понравилось, как она на меня смотрела, можно было просто пойти в другое место...

— И оставить оскорбление безнаказанным? — воскликнул я. — Вот так запросто простить какой-то смертной шалаве то, как она посмела говорить и смотреть на тебя? Да она волоса на твоей попке не стоит! Она дышать, тень бросать в твою сторону не смеет!

— Смертной? — Света вдруг встала и посмотрела на меня сверху вниз. — А ты у нас, значит, бессмертный? А я тогда кто?

Я не ответил.

— Шейн, — она присела передо мной на корточки и взяла меня за руки, — я такая же, как она...

— Нет, — выдохнул я, — ты другая. Ты моя невеста. Ты сейчас ключевая фигура, а она расходный материал. Ты принцесса, а она прислуга. Ты имеешь право надавать ей по щекам, а она ничего не может тебе возразить. А я всего лишь предупредил ее о том, что произойдет, если она и дальше будет оскорблять тебя.

— Я принцесса? — она прищурилась на меня.

Я кивнул:

— А я принц, наследник престола.

— Да ладно, — она посмотрела на меня с недоверием.

— Послезавтра у нас официальная помолвка.

— А раньше сказать нельзя было? — недовольно буркнула Света и вернулась на свое место.

— Прости, я сам узнал всего два часа назад...

— Твои родители все так быстро узнали? Мы ведь только вчера решили... — ее удивлению не было предела.

— Они знали обо всем еще в сентябре, — с досадой проговорил я и принялся за еду.

Какое-то время мы просто молча жевали.

— Думаешь, они уже знают? — вдруг тихо спросила Света.

— О чем? — я посмотрел на нее с недоумением.

— О том, что произошло... ночью...

Я выпучил на нее глаза. Дьявол, я же совсем забыл...

— Ну... не знаю... — я неопределенно качнул головой. Разумеется, он уже все знает. Я не удивлюсь, если этот вуйерист еще и наблюдал за всем процессом.

— Шейн... я... мне действительно хорошо с тобой, но... — она нервно теребила салфетку.

Я вздохнул. Все эти люди такие — сначала делают, а потом начинают сомневаться.

— Менять что-то уже поздно, — сказал я сухо и поднес бокал с соком к губам. — Гости уже приглашены, повара готовят праздничный банкет. Отменять помолвку из-за твоих настроений или моих желаний никто не станет. Единственное, что мы можем сделать, это

смириться и надеяться на то, что в скором будущем он осчастливит нас объяснениями.

— Он?

Я кивнул и глотнул соку:

— Мой дед. Это он все придумал и подстроил. Я уверен, что и твои воспоминания обо мне тоже он подогревал. Он и не на такое способен.

— Ты так говоришь, будто боишься его, — заметила Светлана и хлебнула соку из своего бокала. — А почему ты не пьешь спиртное? — спросила она, поморщившись. Я снова заказал яблочный сок.

Я передернул плечами:

— Я его не понимаю. Вкус мне не нравится, и кайфа я не испытываю. Мне нужно выпить цистерну чистого спирта, чтобы ощутить легкую эйфорию. С наркотиками и табаком та же фигня, поэтому я не колюсь и не курю. Для тебя это проблема? Ты же вроде тоже не пьешь.

Она передернула плечами. У нее это получилось почти так же смешно, как у деда. Я усмехнулся.

— Просто обычно в ресторанах заказывают вино, а ты заказал сок.

— Ты хочешь вина? — равнодушно спросил я.

— Нет, просто это забавно. Как на детском дне рождения в кафе — всем приносят фужеры для шампанского, а наливают в них газировку.

— Кстати да, почему это они подали нам сок в бокалах? — усмехнулся я и повертел в руке свой. — И, правда, как дети.

— Ты заметил, мы уже успели с тобой поругаться, — проговорила она после молчания.

— Это нормально, — ответил я. — Мы с тобой не просто разные, мы принадлежим к разным видам, воспитывались в разных условиях, имеем разные представления о добре и зле, о справедливости. Ты познавала реальность через книги, через призму видения писателей, а я все изучал на собственной шкуре...

— Расскажи мне о себе, — вдруг попросила она. — О своем детстве, о своей семье...

Я вздохнул... и начал рассказывать.

Сначала медленно и тихо, низко опустив голову, просто перечисляя факты, но постепенно я и сам не заметил, как мой голос зазвучал увереннее, как в моем рассказе появились эмоции и краски. Я рассказал ей все — о Фрейе, об отце, о маме, о дедке. О своей дочери и о том, что я испытывал, когда видел ее, о своем брате и о том, что произошло у лесного озера, о том, как меня чуть не убил родной отец и о том, как я потом пытался ему отомстить. Я рассказал ей о близнецах и о слиянии, о многочисленных проститутках и о причине, по которой дед решил найти мне жену...

Я исповедовался ей.

А когда я закончил и умолк, тяжело дыша, у меня внутри вдруг что-то оборвалось. Я знал, что мой рассказ произвел на нее впечатление, и боялся, что сейчас она встанет и скажет:

«Сотри мне память, я не хочу иметь с тобой ничего общего»...

Поэтому я не смотрел на нее, а сидел, низко опустив голову, и ждал.

Мою руку вдруг опалил жар ее ладошки, а на щеке вспыхнул огонь поцелуя. Я посмотрел на нее в недоумении.

— Сегодня, после истории с продавщицей, я засомневалась, не ошиблась ли я, — тихо проговорила она, вернувшись на свое место, но не убирая руку с моего запястья, — но сейчас я знаю — нет, не ошиблась. Ты действительно замечательный, чуткий, внимательный и

добрый. И, знаешь, я готова прожить с тобой всю жизнь, готова терпеть твои настроения, интриги твоего деда, странности твоих родственников и так далее...

— Свет... — попытался возразить я.

— Погоди, я не закончила, — она приложила пальчик к моим губам. — Я безумно хочу понять тебя. Я до боли хочу узнать, как в тебе уживается такой неумный цинизм и высокомерие с чуткостью и добротой, такой трогательный романтик и безжалостный эгоист, который буквально молится на своего отца, умудряясь при этом его люто бояться и ненавидеть.

На моих глазах вдруг выступили слезы. Она... она поняла! Она действительно поняла, почувствовала меня!

— Светка, ты настоящий ангел, — прошептал я и поцеловал ее раскрытую ладонь.

Она погладила меня по голове и тихо сказала:

— Ты такой хорошенький с длинными волосами...

Что было дальше, я помню смутно. Судя по всему, мы расплатились за ужин, потом каким-то чудом выбрали мне куртку и зимние ботинки, которые мы, кажется, забыли в магазине. Я опомнился только в ее квартире, когда, лежа на постели с упоением ласкал ее грудь и терзал поцелуями губы.

Она томно вздыхала, выгибалась дугой, стонала, билась в жесточайших спазмах, а мне все было мало. Я никак не мог насладиться ее ароматом, ее чувственностью, ее темпераментом и ее ненасытностью, когда она в изнеможении валилась на подушки и шептала в бреду: «Еще!» И я продолжал. Замедлялся, когда видел, что она почти теряет сознание, но затем ускорялся, приводя ее в чувство и вновь и вновь заставляя рыдать от наслаждения.

Этой ночью мы не спали ни секунды. А когда за окном засеребрились в первых утренних лучах снежные шапки на ветвях и козырьках балконов, я вдруг взорвался неожиданно даже для себя самого. Я извергался так бурно, что в какой-то момент даже отключился, а когда пришел в себя, оказалось, что Светка уже прыгала по комнате на одной ножке, пытаясь втиснуть другую в сапог.

— А завтрак? — спросил я в полудреме.

Она звонко чмокнула меня в щеку и рассмеялась:

— Спи, марафонец, я буду до двенадцати. Ключи я возьму с собой. Дверь закрывать не нужно. Ее каблучки зацокали по плитке прихожей, потом хлопнула входная дверь, щелкнул замок, и цокот гулко зазвучал в подъезде.

Я лежал на постели с закрытыми глазами и вслушивался во все удаляющиеся звуки ее шагов. Когда они растворились в общем шуме большого города, я, не открывая глаз, накрылся одеялом с головой и задремал.

Мне снова снилась Светлана на подушке из изумрудного мха и Единорог, робко вылизывающий ее сочные груди и румяные щечки. Но на этот раз рядом со Светой прямо на земле сидел огромный серокожий демон. Он нежно одним пальцем поглаживал плечи и спинку девушки, а она сладострастно выгибалась в ответ на его движения...

— Спишь? — его голос выдернул меня из сна и вернул в реальность.

— Какого черта? — недовольно проворчал я и повернулся на другой бок.

— Ты, кажется, что-то забыл вчера в магазине, — проговорил он с улыбкой.

Я нарочно не поворачивался к нему, зная, что стоит мне увидеть его улыбку, и я уже не смогу на него сердиться. А сейчас мне хотелось именно сердиться на него. Хотя нет. Где-то в глубине души мне хотелось броситься ему на шею, расцеловать его щеки, закружить в каком-то

совершенно безумном танце и рассказывать, рассказывать, рассказывать. И хохотать... Но я боялся делать это даже больше, чем высказать ему в лицо все те гадости, которые я придумал вчера. Поэтому я лежал к нему спиной с головой под одеялом и старательно пытался согнать с лица блаженную улыбку.

— Перестань, Шейн, я и так все знаю, — сказал он после долгой паузы. — Хорошо притворяться и пытаться надеть твою любимую кислую мину. Поднимайся, и идем пить кофе. Я сегодня еще не завтракал, а дел уже невпроворот. Эта твоя помолвка мне как кость в горле.

— Так какого дьявола так торопиться? — отозвался я и выглянул из-под одеяла.

Он действительно выглядел уставшим. () Точнее, он выглядел раздавленным, размазанным, выжатым и постаревшим сразу лет на тысячу. Если бы в его косичках поблескивала седина, он бы действительно был похож на моего деда, а не на младшего брата раздолбая на утро после попойки.

— Проблемы? — спросил я, пытаясь казаться безучастным.

Он обреченно кивнул:

— Король Гайары изъявил желание явиться на прием.

— Он же в трауре! Зачем ему таскаться по приемам? — удивился я, надевая брюки.

— Ну, как же, мы ж теперь союзники.

— И что ты решил?

— Есть мысль отметить твою помолвку сегодня в узком семейном кругу, а на официальный прием пригласить только Трента и Никт. Ну, если там отец или близняшки захотят, то пожалуйста, а близнецов отправить на какое-нибудь задание. Что скажешь?

— Ты его специально пригласил, да?

— Нет, — он устало мотнул головой и поднялся с постели, где он все это время сидел, а не парил в воздухе как обычно. — Я совсем не хотел приглашать его на твою помолвку. На свадьбу еще куда ни шло, а на помолвку... Но осталось слишком мало времени, чтобы что-то менять.

— В узком семейном кругу это как? Как обычно — полторы сотни приглашенных, полная боевая раскраска и торжественный вид? Или можно совсем по-семейному — в халате и тапочках?

Он тихо рассмеялся:

— Просто приходите сегодня в вашу квартиру здесь в Москве, обо всем остальном позаботится Трент, если я правильно его понял.

— Прием будет на Земле? — удивился я. — Вот это уже совсем необычно. А соседи против не будут?

— Шейн, прекрати паясничать, — с неожиданным раздражением проговорил он.

— Ладно, — я вздохнул, — где твой завтрак?

Он кивнул в сторону кухни. Там на Светкином кухонном столе, застеленном белоснежной скатертью, стояли три изящные чашечки, серебряный кофейник и несколько плетеных корзиночек, от которых поднимался легкий пар. Я принял — волшебные ароматы, запахи дома!

— Прошу к столу, — он ухмыльнулся и шагнул в кухню.

Я последовал за ним, и в эту минуту щелкнул замок на входной двери. Я замер и напрягся.

— Спокойно, это Света, — улыбнулся дед. — Как думаешь, она обрадуется, увидев меня здесь, или мне все же лучше уйти?

— Лучше уйди, — кивнул я, все еще напряженно прислушиваясь к возне в прихожей.

Он подмигнул мне, взял одну чашечку, выбрал несколько румяных булочек и растворился в радуге, не доходя до стены с окном.

Тем временем пришелец тихонько прокрался в спальню и остановился где-то напротив двери в прихожую. Я не двигался, старался даже не дышать, но мне казалось, что мое сердце выдавало меня с головой — оно с такой силой билось о ребра, что оглушало меня напрочь.

А потом я услышал шепот. И с облегчением выдохнул. Это действительно была Света. Она подошла к кровати и шепотом звала меня по имени. Я наложил на себя невидимость и тихонько подошел к ней сзади. Боже, как она взвизгнула, когда я запустил руки ей под свитер!

— Дурак, дурак! — повторяла она, колотя кулачками мне в грудь. И она выглядела такой испуганной и растерянной, радостной и разгневанной одновременно, что мне вдруг захотелось подхватить ее на руки, уложить в постель и целовать до боли в губах.

— Какая же ты у меня красивая, — прошептал я и, не дожидаясь ее ответа, впился в ее губы поцелуем.

Она еще пару раз стукнула меня, а потом обняла мои плечи и крепко-крепко прижалась всем телом.

«Я люблю тебя, Света», — подумал я.